

Публикации

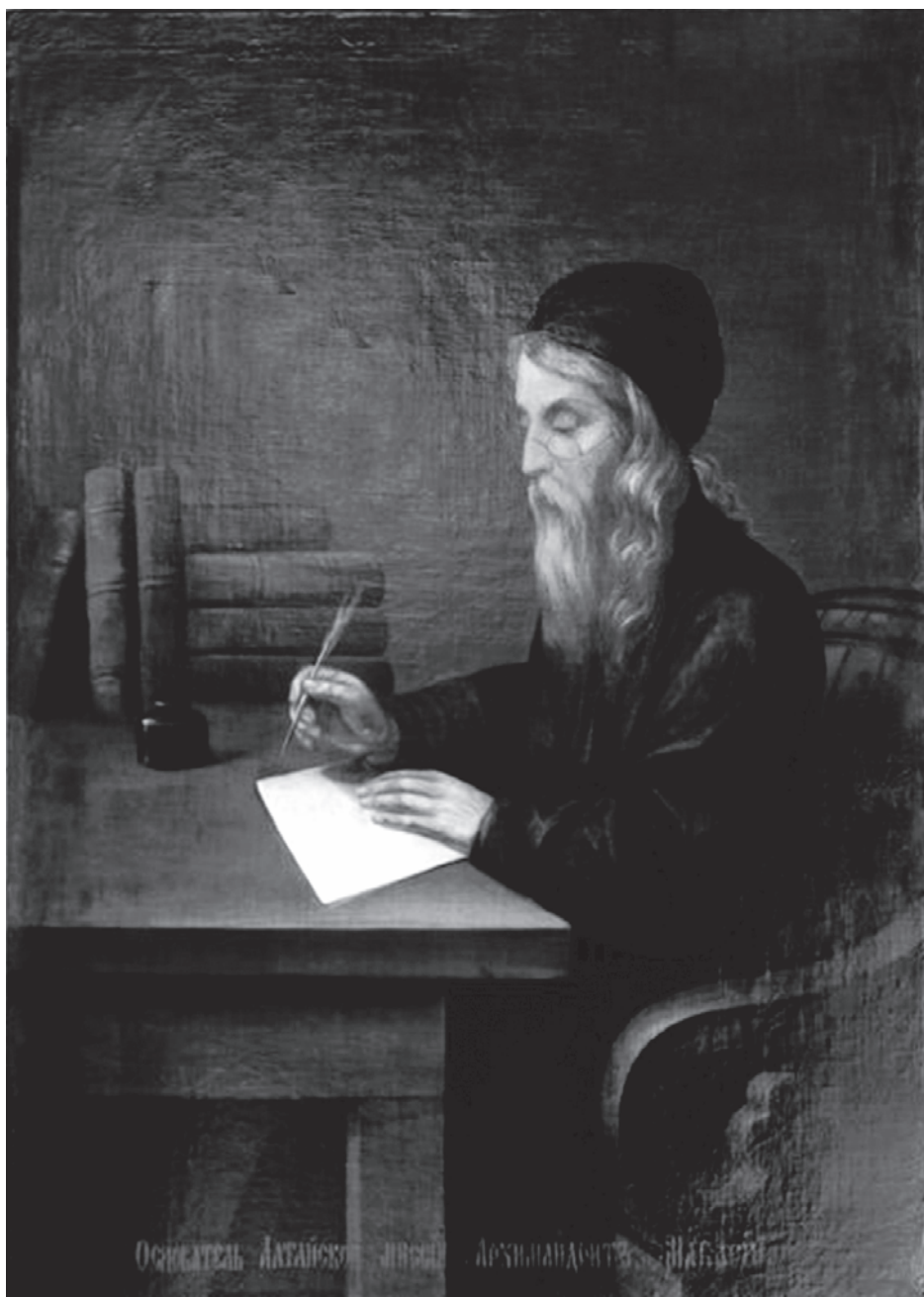
Из ученических сочинений Михаила Глухарёва (архимандрита Макария) по библеистике, библейской и церковной истории¹

О богодухновенности Апокалипсиса и отношении его к составу священных книг

(Л. 22) Доказывать божественность откровения Иисуса Христа есть то же, что доказывать божественность Бога. Но совопросник века сего вопиет: как много людей между мною и Богом! Такому мы отвечаем, что никто же узрит Бога и жив будет; что Бог может открывать человекам волю Свою только чрез человеков, возвысившихся превыше человечества; что сии необыкновенные мужи очищаются и освящаются от утробы матерней в великое служение избранных сосудов и благозвучных органов Святаго Духа и что сих-то святых Божиих всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает. Просвещенные и вдохновенные свыше, они не своей глаголют волей, но Дух, Который творит в них и еже хотети и еже деяти, Дух дает им уста и премудрость для возвещения нам истин, которые знать для нас необходимо, не знать — бедственно, не хотеть знать — воля сатанинская! Это суть чрезвычайные посланники Божии, которых Отец веков воздвигает во благовремении для привлечения к Себе отпадших от Создателя тварей; это суть служители Доброго Пастыря душ, которые по Его велению являются в дебри темного мира, глашают заблудших словесных овец, чтобы привести их во двор овчий святая Церкви. — Таково (Л. 22 об.) происхождение в Ветхом Завете пророков, в Новом — евангелистов и апостолов.

Святой Иоанн прошел все сии степени служения Божия: в благовестии своем он — евангелист, в посланиях — апостол, и пророк — в Апокалипсисе. Итак, самое имя Иоанна, единого от исполненных Святаго

¹ Приводится по рукописи: «Ученические опыты в сочинении о. Архимандрита Макария (Глухарёва)» / НИОР РГБ. Ф. 173.2. Московская Духовная Академия. № 17. 131 л. Автограф.

Основатель Алтайской миссии архимандрит Макарий.
Портрет работы неизв. художника. XIX в. Томский краеведческий музей

Духа, — имя наперсника Христова, которого Божественный Учитель еще во дни плоти избрал хранителем тайн души Своей, имя свидетеля слова Божия и за свидетельство сие претерпевшего заточение, — зло, которое Иисус Христос обратил в неocenенное благо для Своей Церкви. Самое имя Иоанна печатлеет Апокалипсис знамением божественного происхождения.

Но помазанное коллурием веры око простирает далее взор свой и видит в сем откровении, яко в зеркале, непрерывное преемство настоящих и будущих судеб Христовой Церкви — пророчества о царстве славы, объясняющие предсказанное в царстве закона, — пророчества, из коих одни совершившись, другие, совершаяся в царстве благодати, событием своим ручаются за истину имущих разрешиться в царстве славы; видит на севере светильник Восточной Церкви, сдвигнутый с места своего; видит десятидневную скорбь Церкви Смирнской в гонениях десяти римских владык; видит, что единый Дух, оживлявший и восхищавший к та(Л. 23)инственным видениям Исаию, Иезекииля и Даниила, дышит и в Иоанне, — видит и заключает: если обыкновенный человек мог говорить сим словом толико живым и действенным, проникающим до глубины души, то и всё слово Божие не будет ли только словом человеческим? Если сии видения не иное что суть, как плод воспаленного воображения, то не отсюда ли проистекли и видения ветхозаветных пророков?

Где ж моя вера, — единое твердое основание спокойствия моего духа, или лучше — где мой разум? Ибо и разум знает, что никто не может нарицать не сущее яко сущее и что прошедшим, настоящим и будущим владеет един Вечный, в деснице Коего сосредоточены силы и вещественного мира, и нравственного, и Коего единая всемогущая сила и перемены природы мертвой, и дела человеческие может направлять к единому концу, утвержденному Его любовью и премудростью.

Таким образом, откровение, дарованное Иисусом Христом Иоанну, защищает само себя. Имейяй ухо да слышит, что Дух глаголет Церквам; и имейяй око да видит, какие ужасные перевороты толико веков изменяли лице земли; и имейяй ум да почтет гласы труб ангельских, потрясающих сердца гор и не могущих возбудить от несчастного сна человеков! (Л. 23 об.)

Но если бы Книга сия заключала в себе одни такие пророчества, коих исполнение видеть предоставлено единой будущности, ужели бы тогда осталась она менее божественной? Напротив, она именно потому и божественна, что находится в составе книг, о божественности коих нельзя сомневаться; составляет необходимую часть сего состава, так что без нее всё осталось бы неполным и недоконченным. Ибо что есть Библия?

Великая книга великой брани света со тьмою — брани, долженствующей кончиться потреблением тьмы и торжеством света.

Что есть Библия?

Изложение дел вражды между змием древним и Агнцем безначальным — вражды, долженствующей явить бессильную злобу первого и всемогущую любовь последнего. При дверях рая положена вражда сия между Искупителем и искусителем и при дверях рая должна совершиться. *Положу вражду*, рек Присносущий диаволу, *между женою и тобою, между семенем твоим и Семенем тоя, Той сотрет твою главу, и ты блюсти будеши Его пяту*. Вот благословенное семя обетования, которое раскрывалось толико тысячелетий и наконец во Христе явило человечеству новое древо жизни! (Л. 24) Жизнь, страдания, смерть и Воскресение Иисуса Христа — это во главу змия такой удар, который должен быть ему смертельным. Однако же он остался еще жив до времени и уязвляет пяту Семени благословенного.

Христиане — люди обновления — носят еще в сердце своем жало греха, которое для многих делается смертельным. Искупитель отверз Крестом Своим человечеству рай, но человечество еще на пути к заслуженному для него Сыном Божиим блаженству и на узком пути сем страдает, наготует и лишается. Многие падают под бременем подвига и уклоняются на широкую дорогу, где делаются добычею врага человеков. Всё сие показывает, что еще не положен конец вражды между Семенем жены и змием, а только змий так поражен, что восстание его есть не иное что, как приготовление к постыднейшему падению. Все сие являет очам веры зарю великого и просвещенного дня, когда тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, и когда избранные Божии в ликах радования и веселия вечного воспоют торжественную песнь победы над адом и (Л. 24 об.) смертью: *Где ти, смерте, жало? Где ти, аде, победа?* Аллилуия! Воцарися Господь Вседержитель!

Может ли для христианской души быть что-нибудь усладительнее оной надежды явления Сына Божия в полной славе торжества Его над диаволом, когда вся тварь, по слову апостола, воздыхает, чаючи явления славы сынов Божиих? Не есть ли уже для нас драгоценнейший залог любви Иисуса Христа — утверждение оной надежды — откровение, в котором зрим Агнца, закланного прежде сложения мира, стирающего до основания главу змиеву, и град святой, Иерусалим нов, приготован, яко невесту украшенну мужу своему (для приятия чистой Невесты Христа — возлюбленной Его Церкви)?

Апокалипсис есть, так сказать, развязка, в отношении к которой прочие священные книги суть только приготовление. Им заключается

весь чертеж судеб Божиих о восстановлении падшего человечества. После третьего часа *бысть совершишася!* Не будет более **да будет!** Царство закона уступило место царству благодати, за царством благодати грядет царство славы, которое пребудет вечным.

Оценка: *Nemini Secundus*

О свойстве Евангелия святого Иоанна, отличающем оное от прочих Евангелий

(Л. 50) Во всем лике апостолов святой Иоанн более всех пользовался доверенностью и нежной любовью Небесного Учителя. Конечно, Иисус Христос не находил ни в ком из двенадцати душ столь непорочной, как в Иоанне. По сей же причине ученик сей удостоился и чрезвычайных даров Святаго Духа, которых преизбыточество пред прочими благовестниками отражается в самом его благовестии.

Между тем как другие евангелисты начинают описывать жизнь Сына Божия со дней Его плоти, Иоанн выходит за пределы времени и созерцает бытие Слова от дней века. Какие высокие истины заключает он в немногих словах начала своего благовестия! Там великая Жертва закаляется за грехи мира прежде сложения его; там Бог приносит цену искупления Богу за тварей, долженствующих помрачить славу Его, является силою и премудростию Бога в сотворении мира. Всё получает бытие на основании Завета умиротворения Бога Сына с Богом Отцем.

Наконец, приближается время сему Завету исполниться и совершиться во времени. Свет во тьме светится, и тьма его не объемлет. — Тогда Слово со(Л. 50 об.)дельвается плотию, живет в мире, но мир Его не познает, приходит в своя, и свои Его не приемлют. Не есть ли это всё, что есть существеннейшего, величественнейшего, спасительнейшего в вере? Вообще, черта поразительного величия, возвышающего всякую благочестивую душу, есть одно из главнейших отличий Евангелия Сына Громова от Евангелий других благовестников.

Оценка: *Очень хорошо!*

Греческому или еврейскому летосчислению лучше следовать в истории до потопа и после потопа до Авраама?

(Л. 106) Со времен Иеронима начали христиане разделяться в своих о сем предмете мнениях. До того времени согласно и постоянно следовали все летосчислению LXX толковников. Восточная Церковь, не восхотевшая и здесь уклониться от Церкви первенствующей, удержала на своей стороне всех Нового Завета богодухновенных мужей, освятивших греческий перевод своим употреблением; Западные же Церкви и поныне доверяют одним мазоретам, между тем как за добросовестность и непогрешительность их никак не могут поручиться. Не склоняется ли уже и здесь истина на сторону текста греческого?

Но если бы судить о сем последнем даже как о произведении просто человеческого, то и тогда еврейское летосчисление не получило бы преимущественной достоверности. С LXX толковниками как в летах допотопных, так и послепотопных весьма согласен Иосиф Флавий. Неправедно обличают ученейшего мужа в незнании еврейского языка, которое будто бы не позволило ему почерпать истину в ее источнике. Кроме того что самое происхождение от иудейского священника некоторым образом делало для него необходимым сие знание, он сам говорит о себе, (Л. 106 об.) что историю о войне иудейской писал в начале на языке праотеческом.

Что же препятствовало ему читать на оном Священное Писание? И что могло бы побудить его к изменению Моисеева повествования, которое он, конечно, признавал богодухновенным и посему неприкосновенным? Но Иосиф говорит ясно в книге «Против Апиона», что сия книга евреев содержит в себе историю 5000 лет, а о летах допотопных еще яснее: *χρόνου ἀπὸ Ἀδάμου τοῦ πρώτου γεγονότος ἐτῶν ὑπῆρχε διακοσίων πενήκοντα ἕξ* (перевод: времени от Адама, от первого события, было 2256 лет). Исправив по сему счету меньшие числа лет Мафусаиловых и Ламеховых в греческом, совершенное между тем и другим согласие можно изъяснить только тем предположением, что Флавий основывался на той же еврейской Библии, на которой и LXX толковников.

Итак, в наши времена с такой же благонадежностью можно полагаться на перевод LXX, с какой надлежало бы верить Библии оригинальной, благоговейно собранной и преданной иудеям от Ездры.

В летосчислении от потопа до Авраама удобно соглашаются с LXX старцами сами самаритяне, хотя в рождениях Патриархов от Адама до Ноя они благоприятствуют нынешнему еврейскому тексту. Но собст-

венный рассудок ко всякому ближе, нежели самаритяне. Собственный рассудок может (Л. 107) показать всякому, в еврейском ли тексте или в переводе LXX толковников точнее наблюдаются законы природы, которых не должен терять из вида желающий обрести истину. Закон природы, установленный Создателем оной, таков, что долговременная жизнь всегда требует продолжительного отрочества и поздней возмужалости. Таким образом, как древние, так и новейшие естествоиспытатели заметили, что человек не прежде достигает способности деторождения, как свершивши пятую или четвертую часть целого своего века. Поелику же в летосчислении еврейском нарушена сия соразмерность, а в греческом усматривается строгое наблюдение оной, то видно из сего, что первое потолику удаляется от исторической справедливости, поколику последнее к ней приближается.

Другое неудобство еврейского счета состоит в краткости времени, которое в нем полагается между потопом и Авраамом. Здесь случилось гордое и суетное сынов человеческих столпотворение; здесь произошло смешение языков, рассеявшее людей по лицу Земли; здесь образовались сильные народы, основаны многие и великие царства. Еще до Авраама переменялось на престоле египетском несколько династий. Все сие в тесноте 292 лет неудобовместимо. Если же приемлем летосчисление LXX, то получаем 1132 года — и тогда исчезают все затруднения.

(Л. 107 об.) Впрочем, сколько греческое летосчисление ни имеет преимущества пред еврейским, возвести его правдоподобие до несомненности весьма трудно. И подлинник настоящий, и перевод имеют свои недостатки, которые произошли от человеков, без сомнения, по Божию попущению, с премудрым намерением. Мы можем пользоваться известностью, какую находим, но неведение времен и лет, яже Отец Небесный положи во Своей власти, еще более для нас полезно.

Какие причины призвания Авраама из страны отечественной в землю неизвестную?

(Л. 114) Читаем в Священном Писании, что Бог повелел Аврааму, оставивши землю, в которой он родился, возрос и стяжал имущество, оставивши род свой и дом отца своего, где бы мог наслаждаться безопасностью и прочими выгодами жизни, — идти в землю чуждую и неизвестную, где не имел он ничего собственного — ни своего, ни своих.

Как во всех Божиих путях и советах, так и в оном призвании Авраама усматривается дивная и многоразличная премудрость.

В Месопотамии, где жил прежде Авраам, князь тьмы столько усилился, что люди совершенно забыли истинного Бога и закон Его, развратились в мыслях своих, желаниях и действиях и не только поработили себя суете, соделавшись рабами страстей беззаконных, но и сами превратились, так сказать, в суету, соделавши своими богами тленные вещи, сотворенные на служение им. Зараза идолопоклонства наконец коснулась даже избранного племени. Сам Фарра не устоял против стремительного потока окружавших его худых примеров. Церковь Божия находилась в крайней опасности. И опасность сия, которой отклонение превышало силы человеческие, без сомнения, возросла бы в неминуемое и всеконечно-бедственное оскудение в человеческом роде святого семени, если бы не Господь, (Л. 114 об.) отделив Себе от всех племен земных Авраама, **сохранил в нем и после него в его потомках истинную веру — залог бесконечной милости Его к грешникам.** И сия есть первая причина, по которой Он воззвал его из земли Халдейской в Ханаанскую. Авараам должен был уклониться от зла и творить благо.

Но Авраам предназначен был не только соблюсти святую веру и предать ее сынам своим, но и быть **отцем всех верующих.** Для сего надлежало ему в лице своем совместить образы тех совершенств высоких, которых Бог требует от верующего. Для сего надлежало ему явить грядущим векам веру во всей ее чистоте, бескорыстности, самоотвержении и всецелой преданности в волю Божию. Для сего надлежало ему собственным примером показать путь, по которому вера ведет человека чрез поприще искушений и лишений к обители Небесной, где побеждающий венчается славою и где в лишаемых являет Бог богатство любви Своей и блаженства.

Бог глаголет Аврааму: *изыди от земли твоя и от рода твоего, и от дому отца твоего и прииди в землю.*

В какую? — спросил бы здесь человек неподобный Аврааму. — Конечно, в землю, лучшую той, в которой я нахожусь теперь? Но Бог не возвещает Аврааму, какова и где та земля, в которую он должен теши. *Прииди, глаголет, в землю, юже аще ти покажу; иди туда, куда бы Я ни повел тебя.* Авраам, конечно, был (Л. 115) уже муж совершен в духе, что повиновался Богу, как смиренный младенец отцу. Тогда изшед из земли Халдейския, говорит Священное Писание, вселися в Харран. После того уже не имел он отечества на земле.

Таков путь к духовному совершенству предложил нам Бог в Аврааме, преселяющемся из страны отечественной в землю неизвестную. В ком видит Он нечто благоугодное Ему, тому не хочет ничего оставить в собственности. Благодать глаголет во ушью сердца его: *изыди от земли*

твоя, оставь сию землю, которую ты и неправедно, и ко вреду твоему считаешь **своею**, в которой располагаешься так, как бы тебе надлежало остаться на ней вечно; *изыди от земли твоя и приди в землю новую, которая показана тебе в слове Моем*. Сия земля, которую ты считаешь своею, не есть твоя, и посему ты должен быть на ней странником и пресельником; не имей на ней града, в котором бы пребывало упоенное самодовольствием сердце твое, но непрестанно взыскуй грядущего. *Изыди от рода твоего и от дому отца твоего*, если не можешь там остаться так, чтобы вместе пребывать в Боге. Божественная любовь не совместима с любовью человеческой. Надлежит отвергнуть все, чтобы единое, в котором всё, приобрести. И должно быть ничем, чтобы Бог что-нибудь мог сделать (Л. 115 об.) из тебя.

Пленение Вавилонское или гонение Антиохово более споспешествовало вере и благочестию в народе иудейском?

(Л. 58) Бог заключал иудеев в печи искушений, дабы явить в них народ чистый, достойный его любви и чрезвычайного избрания. Известно, сколь сильную имели они склонность к язычеству до пленения Вавилонского. От тельца Ааронова до кумиров, поставленных Манассиею в храм, Священное Писание повсюду указывает на их богоотступничество, которого Божий гнев не оставлял без наказания. Семидесятилетнее страдание под игом языческим, столь долговременный и горестный опыт суетности идолов утвердил их в верности и постоянстве. Сие постоянство в блюдении праотческой веры делало их постоянными в покорности царям (которым Бог предавал их более в охранение, нежели в одержание) и заставляло сих последних уважать самую веру, которую они дотоле презирали.

(Л. 58 об.) Антиохово гонение еще более воспламенило в народе иудейском ревность к закону Божию. В особенности же возбудило всеобщее ожидание каения языков и спасения Израилева. О, если бы те слишком чувственные в понятиях иудеи с верой в Миссию соединили истинное знание Царствия Его, тогда естественная ветвь не отломилась бы от своего корня.

Как бы то ни было, если Антиох великий есть образ того великого человека, который некогда, как некий бог, сядет в церкви и будет стараться обольстить самых избранных, то Елиазар, Саломия и дети ее, Маттафий и дети его, и сподвижники их, и все иудеи, кровью запечатлев-

шие исповедание истины, предобразуют тех верных рабов, которые в скончание мира будут избиты за свое детельство Иисус Христово.

Оценка: *Правильно!*

Почему иудеи воспротивились учению Христову?

(Л. 38) Святой апостол Павел глаголет, что *душевный человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть.*

Итак, неудивительно, что учение Иисуса Христа, которое есть дух и живот, было для иудеев юродством. Ибо и разум их был плотский, не способный постигать истин, всякий ум превосходящих, и воля их была плотская, не терпящая проповеданного Иисусом Христом нового закона любви.

От сего происходило и то, что они имели неправильное понятие о грядущем Избавителе. Божественные пророки ясно предвозвещали, что подобает Христу пострадать и тако внити во славу Свою, что единственная цель Его на землю пришествия должна состоять в примирении Бога с человеческим родом и что Царствие Его будет духовное Царствие Божие в сердцах и откроется изменением Духа Святаго на всяку плоть.

Но иудеи понимали превратно сии пророчества и, наконец, так утвердились в чувственных и мечтательных чаяниях, что истинного Мессию, Сына Божия, отвергли и умучили. Но не испытанный в судьбах Своих Бог соделал прегрешения их богатством мира.

Оценка: *Хорошо!*

Какое влияние имело мученичество на первенствующую Церковь?

(Л. 30) Никогда Христианская Церковь не являлась в столь поразительном свете Божественности, как в тяжкие времена гонений, когда князь тьмы подвиг все темные силы, дабы разрушить быстро возрастающее и для него гибельное Царствие благодати.

Для суеверия иудеев Крест Христов казался соблазном и разорением Закона; мудрость эллинская видела в распятом Христе одно юродство, опасное для ее славы и владычества над умами; корыстолюбие языческих жрецов возопило, когда проповедь Евангелия, проходящая всю землю, связала молчанием их прорицалища; римские императоры были или так безумны, что ненавидели одно христианское имя, или так умны, что при-

знавали новую веру несовместимой с целостностью, спокойствием и безопасностью всемирной власти своей.

Итак, весь мир восстал против веры Христовой, но поелику сия вера, сильная Богом, побеждала весь мир, то гонение и мученичество служили токмо к умножению славы ее; к подтверждению того Гамалиилова мнения, которое он произнес в свирепствовавшем против апостолов сонмище: *Аще дело сие от Бога есть, не можете разорити то* (Деян. 5, 39); к укреплению верующих, когда они видели столь несомненное знамение небесного происхождения веры своей; к теснейшему их соединению союзом любви; к украшению Церкви и ее назиданию примерами необоримого мужества, непостыдного (Л. 30 об.) дерзновения и любви ко Христу крепчайшей, нежели смерть, к сохранению с ней силы благочестия, состоящей в непрестанном крестоношении; к убеждению самих гонителей в суетности и тщете усилий их противоборствовать могуществу Божию, к обращению их ко Христу; к распространению христианства, к ускорению торжественной победы его над язычеством и к уверению тем в том, что Бог силен величайшее зло претворить в величайшее благо и что немощное Божие крепчае человек есть.

Оценка: *Очень хорошо!*